

There are so many different worlds,
So many different suns.
And we have just one world,
But we live in different ones.

Mark Knopfler*

Никто не верит, что я был там. Даже те, кто смог вернуться вместе со мной из герцогства Сан-Маринского. Они не помнят ни замка, ни старика Архивариуса, ни похода, после которого на моей щеке навсегда отпечатался бледный косой рубец.

Думаю, я тоже должен был забыть. Не сомневаюсь — кто-то тщательно зачистил все до одного темные углы подсознания, чтобы та, другая жизнь, не могла вспомниться даже ненароком, как слишком складный сон или бредовое дежавю. Так бы, наверное, и случилось, если бы не рукопись. С годами я понял, что эти неумелые, ученические строки — самое ценное из написанного мной, пусть в издательстве, где выходят мои книги, печатать ее категорически отказались. Уверен, Архивариус приложил к тому руку. Но я на него не в обиде. Ведь он навсегда изменил мою судьбу, сделал наследником Сан-Маринским.

Каждую ночь, перед тем как заснуть, я размышляю: почему выбор пал на меня? Иногда все кажется игрой случайностей и стечением обстоятельств. Чаще, напротив, видится тщательно спланированный замысел, уходящий корнями во времена моего беззаботного детства. Уже лет в семь больше всего на свете меня занимали затрепанные до последней степени толстые книжные тома, трофеи обстоятельных раскопок в задних рядах домашней библиотеки. Я раз за разом

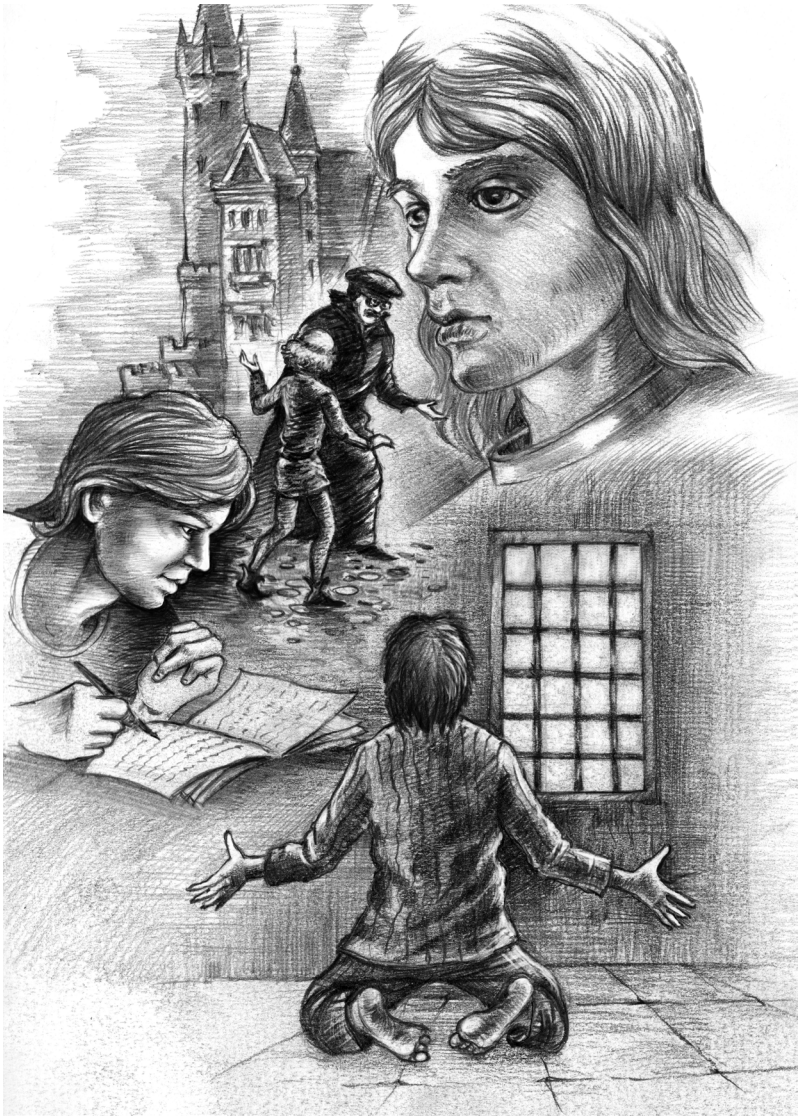
---

* Есть много разных миров,
Много разных солнц,
У нас только один мир,
Но живем мы во множестве разных.

Марк Нопфлер

с какой-то сумасшедшей одержимостью перечитывал эти фолианты с ломкими страницами и сладковатым запахом, выучивая наизусть целые главы. Было в них, известных до сих пор или уже благополучно забытых историях о походах, плаваниях и полетах к звездам, что-то общее. Искренняя надежда на то, что мир на самом деле устроен не так, как выглядит он сейчас из вашего окна. Рукопись, пожелтевшие страницы которой щедро залеплены грязью и свечным салом, а листы украшены благородной бахромой, напоминает мне одну из тех престарелых книг-инвалидов. Ровно по центру ее изуродовала глубокая рваная рана — след от конечника стрелы, пробившей стопку бумаги почти насквозь.

Другой вопрос, на который не удастся ответить раз и навсегда, — почему я все-таки выжил в том странном мире? Оказался сильнее и выносливее, чем о себе думал? Ведь все было всерьез — намного серьезнее, чем здесь. Меня не покидает чувство, что вернулся я ненадолго, как будто приехал погостить на лето к родственникам. Потому даже по прошествии десятка лет я с трудом отзываюсь на прежние имя-фамилию. Порой, забывшись, нескромно пишу свой титул в какой-нибудь миграционной декларации, и тогда бедолага-пограничник, беспомощно шевеля губами, вновь и вновь перечитывает по слогам самые главные для меня в жизни слова: *Ти-тус, на-след-ник Сан-Марин-ский.*

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Затмение

Когда Титуса привезли в психиатрическую клинику, сразу стало легче — еще до того, как вкололи первый укол. Человека, посаженного в палату с решетчатыми окнами, нельзя обвинить в бездействии. Теперь он ни за что не отвечает.

— Вас тоже беспокоит солнечное затмение? — с деланным сочувствием поинтересовался дежурный врач, приняв переодетого в больничное Титуса у санитаров.

Тот усмехнулся.

— Затмение — просто регулярное астрономическое явление. Меня беспокоит другое. Хотя... Зачем беспокоиться, если мы уже обречены?

Врач, чьи глаза смотрели на пациента устало и отрешенно, зевнул.

— Значит, вас беспокоит конец света. Который наступит заодно с будущим затмением. Так?

Титус пожал плечами.

— Говорю еще раз. Не может беспокоить то, что уже случилось. Мертвец не беспокоится по тому поводу, что он мертв.

Врач, принявший за месяц не менее сотни новых больных, половину из которых волновало ожидавшееся полное солнечное затмение, а другую половину — неизбежный одновременный конец света, все-таки продолжил разговор. Скорее всего, потому, что собирал материал для диссертации «Депрессивные расстройства и масштабные явления природы».

- Почему же вы считаете, что мир обречен?
- Бог... оставил нас. Мы ему больше не нужны.
- Вы верите в Бога?
- Я знаю, что он есть.
- Знакомы лично?

Нет, они не встречались. Однако тот факт, что Бог существует, открылся ему еще в дни раннего, наивного детства. Сам по себе, без чтения Библии или поучений взрослых, исключительно опытным путем. Он начал замечать, как таинственная внешняя сила неизменно откликается на все его поступки. Уже годам к девяти вывел для себя закон бу- меранга: сделал хорошо другому — скорее всего, и у тебя все будет в порядке. А вот если напакостил, нагрубил, обманул — жди неприятностей. Методы неведомой силы походили на способ, которым отец натаскивал их таксу. Когда та показывала характер, то легко, но обидно хлопал ее по задку широким ремнем. Когда же она смешно танцевала на задних лапах, одаривал кусочком пахучего сыра с плесенью.

- И все-таки почему мы обречены?

Вынырнув из прошлого, Титус скривил некрасиво лицо. Рассказывать было так больно, словно он только что вышел из дверей последнего издательства в своем списке.

— Я... написал книгу... Знаете, еще в детстве мне открылось, как жить, чтобы Бог тебе во всем помогал. Можно сказать, неизвестный науке всеобщий закон... Хотите верьте, хотите нет, у меня все всегда получалось... Я решил, что обязан рассказать остальным. Стало жалко людей. Маются, страдают, хотя истина на виду...

Врач, черкнув на листке «мегаломания», переспросил:

- Книгу, значит, написали?
- Да. Пятьсот тысяч знаков с пробелами.
- Ее издали?
- Нет. Хотя я послал рукопись в тридцать семь издательств.
- Вы расстроились...

Врач едва не добавил: «и слетели с катушек». Титус помотал головой:

— Не в том дело... *Он* точно хотел, чтобы я написал ее... Рассказал, чего *он* от нас ждет... Эта книга могла все поменять... Стать, если хотите, новым Евангелием... Но в итоге вообще не вышла... То есть мы, люди, больше *ему* не интересны... Неудивительно, что моя жизнь полетела к черту... Фирма, где я работал, разорилась. Девушка ушла. Отец умер от инфаркта. Все за одну неделю.

«Если правда, немудрено, что он свихнулся, — подумал врач, всматриваясь в подозрительно спокойные голубые глаза. — А тут еще это затмение. Все как с цепи сорвались, только о нем и говорят. Поскорее бы оно наконец прошло». На душе потяжелело. Захотелось поскорее окончить разговор с новым пациентом.

— Сочувствую, — произнес врач вслух, почти отталкивая папку с историей болезни. — Не говорю «добро пожаловать», но мы постараемся вам помочь.

В палате Титуса встретил юркий дед лет восьмидесяти — лысый как коленка, но с узкой и длинной, почти до пояса бородой. Та делала его похожим на мудреца из восточной сказки, а заодно внушала желание излить душу.

— Бонжур, молодой человек, — сказал новый знакомый с лукавым прищуром. — Позвольте представиться: Наполеон.

— Не похож, — отмахнулся Титус. — Тот без бороды был.

— Хо! — засмеялся дед. — Да ты не сумасшедший. За что тебя сюда?

— Я... книгу написал... Долго рассказывать...

— Значит, писатель? Случаем, не Достоевский?

Титус вздохнул, подумав о чужой славе. Вспомнил, как сыкотным мартовским вечером возвращался из *самого последнего издательства*, с отвращением сжимая ручку портфеля, внутри которого лежала отвергнутая миром рукопись, — так, будто нес какую-то тухлятину.

— Даже не знаю, зачем я потратила на *это* целых два часа своей короткой жизни, — сообщила, вернув рукопись, редакторша, хриплоголосая, прокуренная мадам с шаровидным пучком седых волос на голове, походившим на идеальную мишень для Вильгельма Телля. Слово «*это*» безошибочно прозвучало в той самой интонации, с которой хозяева делают внушение собакам, имевшим неосторожность нагадить дома. Опомнился Титус уже в метро, под перестук колес по рельсам. В голове, как неоновые рекламы, вспыхивали вопросы, и на них не получалось найти даже самых неубедительных ответов. Почему в его жизни все до поры до времени так гладко складывалось, но потом не вышло главное, что он задумал? Чем написанная им книга хуже макулатуры, которую в избытке производят издательства? И главное — отчего Бог решил не спасти миллионы заблудших овец, что могли бы прожить остаток дней в любви и согласии?.. Ужасная догадка поразила его, парализовав даже, кажется, ток крови в теле. А что, если он ошибался? Что, если от него просто-напросто *ничего не ждут*? Выдрессировали, как отец собаку — чтобы та не гадила где попало и показывала при случае веселые трюки. Натаскали жить по правилам — и вот выпустили в большую жизнь. Чем не объяснение случившегося?

Мысль о том, что управляющей миром силе нет до него никакого дела, вспыхнула, разорвалась в голове, выжгла мозг. Стало неприкаянно, как глубокой ночью на улице. Прошлое и будущее казались одним пустотелым обманом. Он смотрел на собственное отражение в окне поезда, и было все равно, что случится с этим человеком потом, и омерзительно то, что уже случилось. Да гори она, такая жизнь, синим пламенем! Катись все к черту!.. Тут острая боль прошла его от головы до пяток. Вагон вздрогнул, словно огромный палец дал поезду щелчка. Едва удержавшись на ногах, Титус повис на поручне. Поезд между тем начал ускоряться. Огни туннеля за окном вытянулись в светящуюся линию, перестук колес превратился в зловещий грохот.

— Поезд потерял управление... Просьба сесть или лечь на пол... — прохрипел в динамике голос машиниста.

Висевший из последних сил на поручне Титус уже мало что соображал. Грохот железа и беснующийся за окнами свет — мысли едва пробивались через эту какофонию. Но одну он услышал — *ты можешь все изменить*. Сам не понимая, что делает, он напрягся. Представил, как тормозит вагон. Странно, но поезд в самом деле начал замедляться...

Сосед по палате, как выяснилось, также очутился в сумасшедшем доме из-за затмения.

— Тоска такая накатывает, что невмоготу. Я, конечно, понимаю, что луна закроет солнце — вот и все. Что затмения эти уже случались тысячу раз. Но все равно — растягивает внутри так, что лучше уж здесь, а не на воле! Можно сказать, сам сюда напросился. Дома бы точно сошел с ума...

Титус в ответ понимающе кивнул.

— Сперва я решил, дело во мне. Что *он* отказался только от меня и собирается действовать через кого-то другого. Но потом начал замечать много чего вокруг. И понял: у *него* поменялись планы на всех нас.

На свет была извлечена контрабандно пронесенная в трусах стопка газетных вырезок. Статьи содержали печальную, убедительно доказывающую неизбежность скорого всеобщего конца статистику. В десять раз с начала года увеличилось число самоубийств. В семь раз — убийств. Количество разводов — в пять. Число пациентов в психиатрических клиниках — в четырнадцать раз. Продажи антидепрессантов — в десять.

— Ему уже все равно. Потому и книга оказалась не нужна.

— Говоришь, сам Бог попросил тебя ее написать? И какой же он, Бог? Расскажешь?

Титус не ответил, так как не знал, что сказать. На следующее утро ему начали колоть уколы, от которых человек

превращается в неподъемный овощ. Сил хватало только на то, чтобы дойти до столовой. Но мысль о конце света не оставляла. Согласно методу лечащего врача, пациентов ежедневно собирали в холле смотреть посвященные затмению телепередачи — врач полагал, что «научный подход» должен избавлять от необоснованных тревог. Титус же, напротив, собирал все больше доказательств грядущей катастрофы.

Миллионы людей охватил массовый, невиданный в истории психоз. Со слова «затмение» начинались почти все новостные выпуски. Бородатые очкастые астрономы стали желанными гостями в ток-шоу, где охотно рассуждали о кометах, черных дырах и Большом взрыве. В магазинах нарасхват шли телескопы и бинокли, из-за дефицита спекулянты наживали на оптике целые состояния. Власти столкнулись с новым видом преступности — массовым битьем уличных фонарей, которые своим светом мешали ночным наблюдениям. Тяга к астрономии вызвала потрясения на издательском рынке: наверное, со времен Галилея не было такого спроса на звездные карты и литературу по астрономии. Тиражи научных журналов выросли в десятки раз. Все это многократно перекрывало любые возможные пределы человеческого любопытства, дорвавшегося до редкого природного явления. Нет, интерес скорее подпитывала беспричинная гложущая людей изнутри тревога. Неудивительно, что в лечебницу все время поступали новые пациенты — в их палате поставили уже три дополнительные койки на колесиках.

Хотя гибель мира была предрешена, Титуса крайне интересовали результаты вскрытия. Что же людишки, тысячами справлявшиеся с возложенными на них обязанностями, в конце концов учудили не так? По какой причине Бог разочаровался в них? Неужели он способен вот так, без внятных объяснений, взять и снести человечество с лица земли? Или что-то все-таки прояснится в день затмения?

Миллионы узрят начертанные на облаках огненные слова, услышат трубный глас с небес? В таком случае, пребывая взаперти в сумасшедшем доме, он умрет, ничего не узнав. Чтобы появился шанс получить ответ, нужно бежать, понял Титус.

Первым делом надо было завязать с уколами. Он напросился на встречу с врачом, где изобразил полное раскаяние в прежних взглядах.

— Значит, конца света не будет? — довольно спросил врач, радуясь новой главе в диссертации.

Титус опустил глаза в пол и тихо ответил:

— Нет.

Без уколов к нему начали возвращаться силы. Теперь он не лежал днями на кровати, а свободно разгуливал по лечебнице, пытаясь составить план побега. На руку играло то обстоятельство, что число пациентов постоянно росло и персоналу становилось все сложнее усмотреть за каждым. До затмения оставалось два дня, когда Титусу наконец повезло: он проник в незапертую комнату санитаров, переоделся там в их одежду и сумел ускользнуть из психушки. Отсидевшись до темноты в какой-то подворотне, поздним вечером добрался наконец до своей квартиры и открыл ее запасным ключом, который прятал под резиновым ковриком у двери.

2. Отъезд

В день затмения Титус проснулся рано, с неожиданным чувством приподнятости и воодушевления. Было воскресенье. Небо, на котором не наблюдалось ни облачка, словно выкрасили за ночь свежей голубой краской. В телевизоре транслировали прямой репортаж из центра города,

увешанного по случаю затмения рекламными плакатами, призывающими покупать специальные солнцезащитные очки. Духовой оркестр, вырядившийся в расшитые золотом алые гусарские мундиры, наигрывал бодрые марши и душещипательные вальсы. Вслед за тем почти весь экран заняло нагловатое лицо молодого репортера. Уголки губ у него были испачканы кетчупом — видно, он только что побывал в видневшемся на заднем плане «Макдоналдсе».

— До полного солнечного затмения остается несколько часов, но центр города уже заполнен желающими увидеть это редчайшее астрономическое явление, — сообщил репортер, глядя в объектив неподвижными, стеклянными глазами. — Санитарные службы в очередной раз предупреждают: наблюдать его можно только в специальных очках. (Тут он, конечно же, достал из кармана и нацепил странные квадратные очки с темными стеклами, немедленно сделавшие его похожим на инопланетянина.) А вот еще интересная новость по теме... Из городского аэропорта вскоре вылетит сверхзвуковой авиалайнер, пассажиры которого будут лететь вслед за лунной тенью, наслаждаясь непрерывающимся затмением и отличным бесплатным шампанским. Билет, правда, обошелся им в целое состояние...

Мысль о том, что следует тоже отправиться в центр города, показалась крайне разумной. Именно там, в многотысячной толпе, есть шанс получить разъяснения от творца Вселенной! Спустя час он уже в нетерпении прохаживался туда-обратно по длинному засаженному липами бульвару, то и дело задирая голову вверх, к солнцу. Люди вокруг тоже выглядели крайне возбужденными. Все прекрасно знали час, минуту и секунду, когда луна начнет закрывать солнце, но точно так же, жмурясь до темных кругов в глазах, разглядывали невинно-голубое небо. Время тянулось неопостижимо медленно. Чтобы не смотреть постоянно на часы, Титус снял их с запястья и засунул в карман брюк. Момент начала затмения он угадал сам, не глядя на циферблат. Все

изменилось: стих ветер, жалобно заскулили и завертелись вокруг ног хозяев гуляющие по бульвару собаки. Голуби сбились в кучу на газоне и растерянно поворачивали головы из стороны в сторону. Лепестки цветов словно поблекли и подвяли. Титусу даже показалось, что вздрогнула земля.

— Начинается! — истошно закричал кто-то, и над безликой толпой взметнулся указательный палец.

Как по команде тысячи людей надели квадратные черные очки и задрали вверх головы. Стало необычайно тихо. Жизнь полностью замерла на две минуты и сорок секунд, в течение которых луна должна была закрывать солнце. То сияло почти в зените, и в черные очки был виден его небольшой, беловатый, с неровными краями круг. Вдруг на одном из краев появилась крохотная круглая щербинка. Сначала даже казалось, что это всего лишь обман зрения. Но выщербленное место на белом диске незаметно росло, съедая свет и тепло. На город быстро и непривычно резко спускались сумерки. Небо сначала сделалось сапфирово-синим, потом почернело. Солнце походило теперь на бледный лунный месяц, что в конце концов тоже растаял в темноте, — осталось лишь тонкое сине-желтое, как пламя газовой горелки, кольцо с черной дырой посередине. Титус вдруг испугался, что упустит какую-нибудь важную деталь. Он сорвал с лица неудобные квадратные очки и с остервенением зашвырнул их в траву.

— Итак, — раздался в полной тишине голос радиоведущего из стоявшей неподалеку машины, — в нашем городе наступило полное солнечное затмение... Кстати, как там конец света? Хотя со светом действительно плоховато. Ведь еще в течение десяти секунд солнце будет скрыто от нас лунным диском...

«Десять, — начал считать про себя Титус, закрыв глаза. — Сейчас... Именно сейчас он что-то скажет... Девять, восемь, семь... Самое время сказать, в чем же причина... Шесть, пять, четыре... Нельзя же все закончить вот так, ничего не сказав».

Он досчитал до нуля и открыл глаза. На небе ровным счетом ничего не изменилось. Наперебой мерцали звезды, словно довольные тем, что им дали покрасоваться в столь необычное время. Солнце по-прежнему сидело в ловушке, и его черный диск, утратив все свое магическое очарование, казался до невозможности зловещим. Кожа у Титуса на голове напряглась от ужаса, словно он падал с огромной высоты в ревящем, разваливающемся на части самолете. Захотелось заорать во все горло, чтобы выдохнуть вон из себя этот давящий, тоже рвущий тело на куски ужас. Похоже, с ним в итоге случилось что-то вроде обморока и он на время отключился. Когда очнулся, бульвар вокруг был на удивление пуст и весь забросан квадратными темными очками. Растирая лоб, Титус сел на песок, страхась случайно зацепить взглядом солнце. Тут за спиной у него кто-то негромко кашлянул. Он захотел оглянуться, но шея словно закаменела.

— Что ты, дорогой, надеялся услышать? Все произошло именно так, как ты того пожелал, — сказал слабый старческий голос, от звука которого Титус тем не менее содрогнулся всем телом.

Желал? Он этого желал?

— Да-да, — ласково проскрипел старик. — Не припоминаешь? *Гори тогда эта жизнь синим пламенем.* Кажется, так ты изволил сформулировать? Ну вот, даже пламя получилось... Поздравляю!

Титус собрался было что-то возразить, но тут же понял, что любой ответ прозвучит неубедительно и жалко.

— А можно... все вернуть обратно? В тот самый день?

Старик, побряхтывая, засмеялся.

— Нет, не получится. Долго объяснять почему. В общем, мир так устроен.

Вспомнив почему-то о своей злосчастной рукописи, Титус просипел из последних сил:

— Тогда все изменить... Сделать хороший конец!

Голос причмокнул с сомнением, тяжело вздохнул.

— Дай-ка я посмотрю на тебя поближе...

Титус почувствовал, как медленно поднимается в воздух. Потом пришло странное ощущение: кто-то крохотный забрался к нему внутрь и, словно продавец недвижимости, оценивающий здание, внимательно рассматривает стены, балки, полы... Голова, тело, руки и ноги наполнились воздушной легкостью. Казалось, толкни его, и он, как воздушный шарик, медленно полетит вдоль темного, зловещего бульвара.

— Ну хорошо, — раздалось наконец сзади. — Готов на пару минут отложить. Но все остальное — с тебя, дорогой.

Где-то неподалеку всхрапнула лошадь. Титус, скосив глаза в сторону, увидел огромную, похожую на трамвайный вагон карету с золотыми фонарями, черными блестящими колесами и распахнутой настежь дверцей.

— Хочешь все изменить? Вперед! — гаркнули ему прямо в ухо, а затем державшая неведомо как в воздухе Титуса сила зашвырнула его внутрь кареты. Дверца захлопнулась, упала занавеска, и черная солнечная дыра перестала отражаться в его глазах.

3. Архивариус

Экипаж раскачивался из стороны в сторону, колеса громко щелкали, как если бы их путь пролегал по вымощенной булыжником мостовой. Снаружи иногда раздавались резкие выстрелы кнута и хриплый, будто бы пропитой голос время от времени по-индейски кричал: «Хайя!». В самой карете было хоть глаз выколи, но Титус понимал, что, кроме него, здесь есть кто-то еще. Время от времени из темного пространства напротив раздавалось невнятное сопение, побряхтывание и один раз явно человеческий голос словно в забытьи пробормотал:

— Мм, полдень, однако...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая	7
1. Затмение	7
2. Отъезд	13
3. Архивариус	17
4. Библиотека	26
5. Рукопись начата	38
6. Брат его высочества	51
7. Картина	66
8. Пир феодалов	82
9. История начинается	107
10. Сан-Марино	114
Книга вторая	135
1. Навозник	135
2. «Рай для усталого путника»	141
3. Угрюмый лес	147
4. Снова Сан-Марино	154
5. Заговор	166
6. Приключения начинаются	180
7. «Ромео и Джульетта»	191
8. Письмо от Леи	204
9. Пир	209
10. «Бог из машины»	221
11. Разговор по душам	227
12. Прощание	233
13. Возвращение наследника	238
14. Союз прибрежных городов	251
15. Побег	259
16. Снова Мюллер	266
17. Последний поход	272
18. Завещание	288
Эпилог	291